

Бессмертный владыка Цинчжи, несмотря на свои усилия, не смог противостоять могущественной бессмертной магии Небесного Императора. Его лицо было залито слезами, подхваченными ветром:

— Небесный Император, Двадцать восьмое Небо находится не в этом направлении!

Затем Чжоу Янь обратил взгляд на маленького служителя, который всё это время стоял на коленях. Его брови слегка приподнялись, а глаза, словно ледяные глубины бездны, излучали холод. Уголки его губ изогнулись в зловещей улыбке, и, несмотря на красоту его лица, оно вызывало дрожь.

— Где Бай И?

Голос его был холоден, но звучал удивительно приятно. Маленький служитель на мгновение замер, вспомнив, что у этого лисьего демона было имя, и, запинаясь, ответил:

— Этот лис хотел сбежать и ранил Бессмертного владыку Цинчжи...

Он хотел продолжить объяснение, но внезапно почувствовал, как его горло сжалось. Невидимая магическая цепь обвила его шею, вызывая ужас. Сердце его замерло от страха.

Небесный Император смотрел на него, словно на мертвеца, и равнодушно произнёс:

— Слишком много слов.

С этими словами цепь сжалась ещё сильнее.

Служитель запаниковал и, с трудом выдавливая слова из пересохшего горла, быстро произнёс:

— Он... он в Первой Небесной тюрьме...

Чжоу Янь улыбнулся и протянул руку, положив её на голову служителя. Ослепительный свет начал медленно исходить из его ладони.

Окружающие бессмертные широко раскрыли глаза, не понимая, что он задумал, но в их сердцах зародилась тревога.

— Идёмте, — произнёс он, развернувшись и направившись вперёд.

Остальные последовали за ним, недоумевая, почему служитель всё ещё не двигается. Обернувшись, они увидели, как его тело начало рассыпаться, словно фарфор, превращаясь в пыль и исчезая без следа.

Последним рассыпалось его лицо, искажённое мукой и болью, но ни единого звука не вырвалось из его губ. Сердца бессмертных сжались от ужаса, и они отстали, боясь, что Небесный Император вспомнит их слова и коснётся их голов.

Этот жест, хотя и казался добрым, имел ужасающие последствия, и в своих сердцах они уже зажгли благовония за Бессмертного владыку Цинчжи.

Сам Цинчжи, конечно, не знал, что посланный им служитель уже погиб, а Небесный Император пробудился.

Он был занят, стремясь довести лисьего демона до смерти под тяжестью наказаний. Ему казалось, что выражение страха на лице демона будет забавным, но перед ним стоял Бай И, который оставался равнодушным, что лишь разжигало гнев в его сердце.

— Уходи, — резко приказал он палачу, держащему хлыст. — Я сам.

Тот слегка удивился, но затем сказал:

— Ваше превосходительство, этот лис дик и опасен, будьте осторожны...

Не дожидаясь конца фразы, Цинчжи взял хлыст и спокойно ответил:

— Я знаю. Уходи.

Палач удалился.

Цинчжи прислушивался к шагам за спиной, и, когда они окончательно стихли, он взглянул на Бай И, склонившего голову на плахе.

— Ну как, больно? Сердце разбито?

Он спросил, и в его руке вспыхнул свет. Хлыст в его руке изменился: вместо тёмно-красного он стал полупрозрачным, с лёгким розовым свечением, что делало его красивым и устрашающим.

Это был его магический артефакт — Хлыст души. Как и следовало из названия, каждый удар обрушивался прямо на душу, причиняя боль, которую невозможно описать словами.

С улыбкой на губах он добавил:

— А теперь я сообщу тебе хорошую новость. Ты, вероятно, не знаешь, но Лин Сяо скоро станет Небесной Императрицей.

Несколько дней назад, из-за тяжёлого ранения Небесного Императора, было решено назначить одного из бессмертных для управления Девятью Небесами. Лин Сяо был выдвинут в качестве будущей Императрицы, и её возвышение было предрешено.

Бай И наконец пошевелился. Он медленно поднял голову, его длинные волосы рассыпались по плечам. Его уродливое лицо оставалось спокойным, когда он произнёс:

— Где Лин Сяо? Я хочу её видеть.

Если Лин Сяо станет Императрицей, то, возможно, она выполнит своё обещание.

Цинчжи слегка удивился, а затем разразился громким смехом. Он указал на Бай И, смеясь до слёз, и наконец, вытирая их, презрительно сказал:

— Кто ты такой, чтобы требовать встречи с Императрицей? К тому же, ты скоро умрёшь. Если у тебя есть последние слова, говори. Я, быть может, проявлю милосердие и выполню твою просьбу...

Бай И снова произнёс:

— Я хочу видеть Небесного Императора.

Он почти забыл, что, раз уж он умирает, встреча с Лин Сяо уже не имеет смысла. Всё, что осталось от него, — это оболочка, которая будет погребена в мире смертных, где он больше не сможет почувствовать аромат цветов.

Но он должен увидеть Чжоу Яня. У него осталось одно незавершённое дело...

Цинчжи холодно посмотрел на него, и внезапно его хлыст, окружённый электрическими разрядами, с силой обрушился на Бай И!

— Безумные мечты!

Хлыст уже был готов ударить, но Цинчжи вдруг широко раскрыл глаза. Перед ним появился человек, который, казалось, двигался медленно, но на самом деле был невероятно быстр. Он встал перед Бай И, приняв удар на себя.

Цинчжи нахмурился и строго сказал:

— Кто вы, друг? Этот человек — лис-оборотень, и он сейчас подвергается наказанию...

В обычное время Цинчжи был дружелюбен к другим бессмертным, и он хотел предостеречь этого сочувствующего гостя, но когда человек в чёрных одеждах медленно повернулся, его руки задрожали, а ноги стали как ватные. Он упал на колени.

Он только что ударил хлыстом Небесного Императора...

В этот момент в тесную камеру наказаний ворвалась толпа бессмертных. Увидев хлыст в руках Цинчжи, их сердца сжались. Неужели Небесный Император всё это время ждал этого момента?

Но Цинчжи был слишком жесток, и, учитывая силу Хлыста души, даже первозданный дух стонал бы от боли три дня, не говоря уже о Небесном Императоре, который только что оправился от ранения...

Бессмертные начали беспокоиться за Цинчжи.

Но Небесный Император лишь холодно взглянул на него, а затем сосредоточился на человеке, привязанном к плахе. Бай И был настолько истощён, что его ноги беспомощно свисали, а лицо...

Удар Хлыста души, казалось, пронзил сердце Чжоу Яня. Он почувствовал, как боль заставляет дрожать кончики его пальцев. Он подошёл ближе и, с трудом собрав силы, коснулся лица Бай И.

— Больно? — хрипло спросил он.

Бай И слегка улыбнулся, его изуродованное лицо стало ещё более жалким, но его глаза оставались ясными. Он посмотрел на Чжоу Яня и тихо произнёс:

— Мне кажется, это ты... выглядишь так, будто готов заплакать...

Чжоу Янь почувствовал, как сердце его сжалось от боли. Он обнял Бай И и осторожно снял его с плахи. Бай И был настолько лёгким, что его можно было удержать одной рукой.

Затем он повернулся к Цинчжи, и его глаза стали ледяными. Он схватил его за горло.

Цинчжи вытаращил глаза, отчаянно пытаясь вырваться. Ощущение близости смерти было ужасным. Его горло хрипело, словно сломанный мех:

— Помогите... помогите...

Но ни один из бессмертных не осмелился заступиться за него.

— Не убивай его, — наконец произнёс Бай И, слабо потянув за тёмный рукав Чжоу Яня.

Чжоу Янь нахмурился, но действительно отпустил Цинчжи, спросив:

— Он так с тобой поступил, а ты не хочешь его смерти?

Цинчжи тяжело дышал, отступая на пару шагов, а бессмертные оставались неподвижными, словно статуи...

Бай И сказал:

— Ты не отдавал приказа о моей казни?

Чжоу Янь удивился:

— Какого приказа?

Значит, такого приказа не было.

Бай И понял это и продолжил:

— Я не против его смерти. Он хотел убить меня.

Он был слишком слаб, чтобы говорить много, и после паузы добавил:

— Я — лис, который мстит за обиды, но... оставь его. Сейчас у меня нет сил убить его.

Чжоу Янь улыбнулся, погладив его волосы, и сказал:

— Хорошо.

Бессмертные мысленно переглянулись: «Лис-оборотень планирует убить бессмертного владыку, а мы должны закрыть на это глаза?»

Через секунду они смирились: «Ладно, у него слишком сильная поддержка...»

Бай И немного отдохнул и сказал:

— Дай мне хлыст. Сегодня у меня ещё есть силы, чтобы отомстить за этот удар.

И так, поддерживаемый магией Чжоу Яня, Бай И с холодным выражением лица поднял Хлыст души.

В Первой Небесной тюрьме, в сумерках, раздался пронзительный крик, который бессмертные не смогут забыть ещё долго.